

Туаева Берта Владимировна, Атаев Олег Юрьевич

**ИЗ ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Статья посвящена частным и общественно-гражданским инициативам передовой общественности Северного Кавказа в поддержку воинов и раненых в начале XX века. Основное внимание в работе авторы уделяют способам, методам и особенностям войскового призрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/52.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 205-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

всего человечества. В наши дни возросла стихийность развертывания противоречия, особенно на стадии протекания конфликта, и, как следствие, его непредсказуемость и неопределенность по результатам. Социальные противоречия угрожают не только спокойствию, но зачастую и самой жизни людей. В этой связи возникает вопрос о теоретическом осмыслении и управлении ими. В связи с этим особенно актуальными оказываются исследования феномена социального противоречия в новом культурном, политическом и экономическом контексте. Описание феномена социального противоречия в терминах точных наук, применение в исследованиях социальных противоречий современных теорий, таких как теория графов, теория вероятностей, теория игр и многих других, а также использование математических методов исследования открывают новые возможности для социального прогнозирования и регулирования социальных процессов.

Список литературы

1. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
2. Гегель Г. Сочинения: наука логики. М.: Соцэргиз, 1937. Т. 5. 715 с.
3. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Новый учебник, 2004. 240 с.
4. Емеличев В. А., Мельников О. И., Сарванов В. И., Тышкевич Р. И. Лекции по теории графов. М.: Наука, 1990. 384 с.
5. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 922 с.
7. Светлов В. А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком, 2009. 304 с.
8. Светлов В., Семенов В. Конфликтология. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
9. Семенов В. А. Конфликтология: история, теория, методология. СПб.: СЗАГС, 2008. 510 с.
10. Семенов В. А. Феноменология конфликта. СПб.: Недра, 2005. 384 с.
11. Тернер Дж. Структура социологической теории [Электронный ресурс]. М.: Прогресс, 1985. URL: <http://www.twirpx.com/file/412699/> (дата обращения: 11.04.2011).
12. Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.
13. Social Network Analysis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insna.org/> (дата обращения: 10.04.2011).

FROM SOCIAL CONTRADICTION TO SOCIAL CONFLICT: ONTOLOGICAL AND GNOSIOLOGICAL ASPECTS

Ekaterina Anatol'evna Trofimova

*Department of Philosophy, Sociology and Political Science
St. Petersburg State University of Communication Lines
katia_rybkina@mail.ru*

The changes connected with globalization and the formation of network informational society caused the origin of crises and contradictions of new order. Today the new paradigm of social knowledge is formed in social sciences within the limits of which the notion of social contradiction is replaced with more concrete notion of social conflict. In this case the research of social contradiction with the help of mathematical methods becomes possible. It gives new opportunities for social prediction and regulation of social processes.

Key words and phrases: social contradiction; social conflict; network society; united theory of conflict; network dimensions.

УДК 93/94

Статья посвящена частным и общественно-гражданским инициативам передовой общественности Северного Кавказа в поддержку воинов и раненых в начале XX века. Основное внимание в работе авторы уделяют способам, методам и особенностям войскового призрения.

Ключевые слова и фразы: Северный Кавказ; благотворительность; войсковое общественное призрение; социальная помощь.

Берга Владимировна Туаева, д.и.н., доцент

Олег Юрьевич Атаев

Отдел истории

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

ataga@ru.ru; oleg_shuma@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

Российский политический и социально-культурный фон начала XX века способствовал развитию благотворительности и войскового общественного призрения. Войны, в которых участвовала Российская империя (Русско-японская война 1904-1905 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг.), вызвали новую волну общественно-гражданских усилий по оформлению добровольной помощи нуждающимся в организованную систему социального призрения. Последствиями войн были многочисленные жертвы, осиротевшие дети и

огромное число инвалидов, но не всех нуждающихся и не в полной мере государство могло охватить. Интеллигенция и передовые слои населения, в том числе и на Северном Кавказе (в дореволюционных официальных документах все пространство, находящееся к северу от «главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе Терскую и Кубанскую области, и Ставропольскую губернию», принято было именовать Северным Кавказом), не могли оставаться безучастными в этой ситуации [2, с. 17].

Передовой общественностью создавались благотворительные организации и комитеты для оказания помощи искалеченным защитникам Отечества, а также вдовам и сиротам. Целая сеть подобных социальных и благотворительных учреждений возникла и во Владикавказе (центр Терской области). В 1915 году городской управой была учреждена «Комиссия для призрения раненых и больных воинов», а возглавил ее городской голова Владикавказа Георгий Васильевич Баев. Для лечения раненых были организованы лазареты, большая часть которых размещалась в учебных или общественных учреждениях, а также частных домовладениях. Под лазареты были арендованы: лечебница доктора Елифановича, Георгиевская больница, лечебница доктора Шмиргельда по улице Л. Н. Толстого, лечебница доктора Салтыкова на Вокзальном проспекте, лечебница доктора Туганова в Александровском переулке [1, с. 123]. Функционировало во Владикавказе еще одно общество войскового призрения - «Комиссия по призрению семейств запасных и ратников ополчения», председателем Комиссии был назначен член городской управы К. Черный. Комиссия оказывала помощь за счет средств, отпущенных из государственного казначейства города Владикавказа, а также из добровольных пожертвований от разных лиц, учреждений и обществ. Пособия выдавались семьям запасных и ратников, возвратившимся раненым воинам и находящимся в плену. Оказывалась единовременная экстренная финансовая поддержка на лечение, на наем квартиры, на отопление, на похороны, на роды, на воспитание детей, на постановку спектакля и пр. Все эти акции были возможны благодаря вносимым средствам: от купцов и торговцев, педагогического персонала Владикавказской мужской и 2-й женской гимназий, педагогического персонала Войсковой Учительской семинарии, Ставропольско-Терского управления земледелия и госимущества, педагогического персонала 2-го реального училища, педагогического персонала женской прогимназии, учеников 3 основного класса 2-го реального училища, учащихся Гоголевского училища, служащих Владикавказской женской прогимназии, футболистов г. Владикавказа, спортивного общества «Трэк», редакции газеты «Терек», служащих владикавказской больницы, Владикавказского общества баптистов, Армянского благотворительного общества, Владикавказского общества молокан, Терского союзного банка, фонарщиков г. Владикавказа, Терского Комитета помощи раненым, Правления Прохановского кредитного товарищества, личного состава Управы и многих других [4, д. 4 (1), л. 51 - 55 об.]. Всего от частных пожертвователей в Комиссию поступило 23 802 руб. 30 коп. Однако для продолжения деятельности обществу необходимы были свежие финансовые вливания в размере 24 600 руб. для выплат по 1 мая 1916 года, о чем в сопроводительном письме к отчету и указывал председатель Комиссии, обращаясь в Терское отделение комитета Ее Императорского Высочества В. К. Елизаветы Федоровны.

В начале 1916 года во все регионы Российской империи была направлена из Комитета по призрению раненых воинов, находившегося под покровительством Великой Княгини Марии Павловны, информация о том, что в Петрограде открыты «2 убежища, из коих одно с ремесленной школой, в которой слепые обучаются сапожному и корзиночному ремеслам, другое же предназначено для слепых, малоспособных к труду» [Там же, д. 7, л. 1]. Обучение и полное содержание воинов-инвалидов было бесплатным, при этом продолжала выплачиваться и государственная пенсия. Были открыты филиалы в Харькове и Киеве. Заканчивалось сообщение призывом открывать повсеместно подобные «убежища», «сочувствуя столь полезным и прекрасным задачам, при осуществлении которых ослепшие воины могут иметь помимо пенсии еще хороший заработок, а кроме того интересом труда, общением и развлечениями (библиотека для слепых, игры, музыка) облегчать свое тяжелое положение...». Предлагалось также организовать портняжные и сапожные мастерские с привлечением к труду в них «увечных безногих воинов».

Уже к концу апреля 1916 года Особоуполномоченный в Терской области Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны, генерал-лейтенант Флейшер докладывал, что «в исполнение повеления... в течение сего апреля организовано и уже приступило к осуществлению устройства в г. Владикавказе Мариипавловских мастерских для увечных воинов как-то центральной закройной склада материалов и изготовленных вещей и сапожной мастерской при нем. Счастлив отметить, что благой почин Вашего Императорского Высочества встретили среди местного населения и общественности горячий отклик, не вызывая никакого сомнения в том, что великий расцвет этого дела является вполне обеспеченным» [Там же, л. 12].

Вскоре последовала ответная телеграмма из столицы от Великой Княгини Марии Павловны: «Порадована Вашей телеграммой об устройстве мастерских. Благодарю Вас и всех отозвавшихся на это доброе дело. Желаю успеха» [Там же, л. 13]. Это начинание нашло поддержку со стороны Российского общества Красного Креста, которое на протяжении длительного времени зарекомендовало себя как деятельный орган социального и войскового призрения. Терское местное управления Российского общества Красного Креста ходатайствовало перед Главным управлением о разрешении ему в городе Владикавказе открыть «на собранные... пожертвования в сумме 3 826 руб. 55 коп. приют для увечных, бездомных и вообще неимущих воинов на 25 человек, с мастерскими при нем - сапожной и портняжной» [Там же, л. 63]. С помощью специалистов комиссия выработала смету первоначального оборудования приюта и мастерских и дальнейшего их содержания на сумму 11 271 руб. 75 коп. в год. С развитием деятельности мастерских расходы на их содержание должны были уменьшаться; призываемые в приют в свободное от ремесла время имели возможность обучаться грамоте. В

приют должны были приниматься только уволенные от службы увечные воинские чины, сохранившие достаточный для обучения ремеслу процент трудоспособности и не имеющие собственных средств к существованию.

Однако, по официальным отчетам, к концу 1916 года в Терской области стала функционировать только Владикавказская мастерская для увечных воинов, содержащаяся на средства Комитета Великой Княгини Марии Павловны. На портняжных и сапожных ремеслах числились в этот период 15 человек [Там же, л. 83]. Кизлярский, Моздокский, Грозненский, Нальчикский, Введенский, Назрановский отделы не смогли образовать подобных мастерских.

В апреле 1917 года управляющий делами Особой комиссии Верховного Совета направил постановление в Терский областной комитет помощи пострадавшим от войны на предмет отпуска денежного пособия, мотивируя это ходатайством Наказного атамана Терского казачьего войска о помощи «на устройство и содержание убежища для 25 увечных воинов, обучающихся при Владикавказских Мариипавловских мастерских». Особая Комиссия постановила назначить пособие на оборудование этого убежища из расчета «по 100 руб. на человека, в размере 2 500 руб., и на содержание убежища в 1917 году - 11 712 руб. 50 коп., с тем чтобы убежищу этому было присвоено наименование установления Особой Комиссии, чтобы в нем содержались увечные, обучающиеся в мастерских, но не призривались бы обучившиеся уже лица, и чтобы отпуск потребных средств производился по мере действительной надобности, через местный областной Комитет помощи пострадавшим от войны» [Там же, д. 8, л. 43].

Атаман Пятигорского отдела сообщал в ноябре 1916 года Управляющему делами Терского областного комитета по оказанию благотворительной помощи пострадавшим на войне, что «мастерских для увечных воинов нет, но в городе Пятигорске находится организация русского общества “Война. Помощь и труд” по устройству протезной мастерской для увечных воинов и обучению их ремеслам, которой заведует Главноуполномоченный на Кавказе статский советник Стремоухов» [Там же, д. 7, л. 76]. Спустя лишь месяц, в декабре, председателю Терского областного комитета поступило еще одно сообщение подобного характера от Пятигорского Дамского комитета Красного Креста. Правление Дамского комитета уведомляло о том, что «мастерские для обучения ремеслам увечных воинов открыты в Пятигорске 6-го сего декабря в небольшом помещении (Базарная ул., дом И. Н. Рыбинцева) наемном и рассчитано не более чем на 20 чел. Помещение же для общежития, освещение, отопление любезно предоставлено пока совершенно бесплатно Пятигорским уездным Комитетом В.З.С.; за питание же инвалидов Дамский Комитет платит 18 руб. в месяц за каждого» [Там же, л. 149].

Инвалиды обучались сапожному и портняжному ремеслу; планировалось открытие «шапочного отделения». Главным источником средств на оборудование и содержание мастерских являлись вечера «Чашка чаю», вновь проводимые Комитетом со 2 октября 1916 года, чистый доход которых «за октябрь выразился в сумме 711 руб.». На первоначальное оборудование Комитетом из общих сумм ассигновано было 500 руб., от разных лиц пожертвовано 400 руб.

В Постановлении № 620 от 3 мая 1917 года Пятигорского окружного комитета помощи пострадавшим от войны было зафиксировано, что за время существования, т.е. «с 1-го января 1915 г. по сие число... изыскивая средства путем устройства: кружечных сборов, различных благотворительных увеселений, частных пожертвований и пр., окружной комитет... средств на приходе имеет 14 795 руб. 93 коп. и к этому времени в расходе - 14 496 руб. 59 коп., в остатке - 299 руб. 34 коп. Расход окружным комитетом производился на оказание благотворительной помощи: семьям мобилизованных лиц, не имеющих права на получение продовольственного от казны пособия, больным и увечным воинам, беженцам и др.» [Там же, д. 8, л. 9]. С увеличением обращений о помощи, а также «для удовлетворения нужд коих расход на выдачу пособия одним семьям ежемесячно простирается до 700 руб., считая предыдущий размер казенного пайка, и на оказание единовременных пособий больным и увечным воинам до 300 рублей, а всего до 1 000 руб., комитет изыскивать такие средства стал не в состоянии». К январю 1917 года новых поступлений, в том числе от Терского областного комитета, не поступало, и комитет, «за неимением в распоряжении своем необходимых средств, постановил ликвидировать свою деятельность...».

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что в статье мы рассмотрели лишь часть способов и методов оказания благотворительной и социальной помощи. В период войн добровольные пожертвования частных лиц и организаций в пользу фронтовиков, раненых и семей военнослужащих, а также родных и близких воинов стали одной из форм проявлений патриотических и нравственных чувств русского населения. Конечно, с помощью гражданско-благотворительных акций невозможно было разрешить все социальные проблемы нуждающихся воинов и их семей. Но несомненно и то, что именно эти проявления гражданского участия и милосердия существенно облегчали жизнь многих нуждающихся, в том числе раненых, инвалидов, вдов и сирот. Основные модели помощи войскового общественного призрения (сиротско-опекунская, пенсионно-страховая, ссуды и кредиты, учебно-просветительская и др.) способствовали усилению социальной сферы в России, и в том числе на Северном Кавказе [3, с. 205].

Революции 1917 года и Гражданская война кардинально сказались на функционировании различных сфер жизнедеятельности русского общества. Смена идеологии в обществе привела к изменению субъекта помощи, но механизм социальной поддержки сохранился и нашел закрепление в новой исторической реальности - в социалистическом государстве. Формы и способы социального призрения, выработанные в дореволюционное время различными государственными и общественными структурами, были использованы в формировании новой советской системы социальной защиты населения, которая стала сугубо государственным делом.

Список литературы

1. **Бесолова А. А.** Терское казачье войско: благотворительная деятельность и общественное призвание: вторая половина XIX века - 1918 год. Владикавказ, 2008. 175 с.
2. **Осетия:** историко-этнографический справочник. СПб. - Владикавказ, 1998. 517 с.
3. **Туаева Б. В.** Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX - первой трети XX вв. Владикавказ, 2010. 237 с.
4. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСО-А).** Ф. 193. Оп. 1.

FROM THE HISTORY OF THE CHARITABLE PRACTICE OF THE SOCIAL SUPPORT OF POPULATION IN NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**Berta Vladimirovna Tuaveva**, Doctor in History, Associate Professor**Oleg Yur'evich Ataev**

Department of History

North-Ossetic Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev

amaga@ru.ru; oleg_shuma@mail.ru

The article is devoted to the private and social-civil initiatives of the leading community of North Caucasus on supporting warriors and wounded people at the beginning of the XXth century. The authors pay special attention to the ways, methods and peculiarities of army care.

Key words and phrases: North Caucasus; charity; public army care; social help.

УДК 7.04

В статье рассматривается редкий пример стеновых росписей в храмах северо-восточной Руси - изображение юродивых Христа ради. Феномен юродства, имея восточные корни, приобретает свое национальное «лицо» чаще в русских иконописных образах и реже в других видах культового искусства Средневековья (фреска, шитье, торевтика, книжная миниатюра). В предлагаемом тексте демонстрируются результаты авторского поиска изображений святых аскетов в росписях храмов великих русских городов - Новгорода, Ростова и Устюга. Рассматриваемый период - XIV-XVII вв.

Ключевые слова и фразы: фреска; икона; аскетизм; юродство Христа ради; житийный цикл; праздник Покров; внутреннее пространство храма.

Ольга Анатольевна Туминская, кандидат искусствоведения

Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург

touminskaya@mail.ru

ТЕМА АСКЕТИЗМА В РОСПИСЯХ ХРАМОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ[®]

Юродство Христа ради - аскетический подвиг, зародившийся в начале IV в. одновременно и независимо в Египте, Сирии и Палестине. Со стороны внешней это была реакция ревнителей веры на обмирщение Церкви, вдруг ставшей государственной. Со стороны же внутренней это была опытная проверка (на себе) формирующейся (в эпоху Вселенских Соборов) христианской догматики и антропологии. Из восточных юродивых нам известны преподобная Исидора, преподобный Фома Юродивый, преподобный Симеон Эмесский и преподобный Андрей Цареградский. Житие последнего переведено на сербский (южнославянский) язык вместе с другими византийскими сочинениями религиозного характера во второй половине XIV в. С этого времени начинается особенно ревностное почитание Андрея Константинопольского. Однако еще до получения житийных списков о святом Андрее Юродивом Русь знает устные предания о нем, его житии и подвиге. Жил юродивый в X веке в Константинополе. Время его жизни совпадает с событиями крещения Руси, поэтому велика вероятность проникновения из Царьграда в Киев устных преданий о таком необычном современнике византийцев. Примечательно, что с образом Андрея Цареградского связан и праздник Покрова Пресвятой Богородицы, получивший в русском варианте свою вторую жизнь. Вполне вероятно такая динамика распространения сведений о святом Андрее Юродивом: сначала устные предания о городском аскете, удостоившемся созерцать необычное явление Покрова во Влахернском храме (IX-X вв.); затем фигура Андрея Цареградского занимает положенное ей место в пересказе этого события при установлении официального празднования события Покрова на Руси (XII-XIII вв.), устанавливается повсеместное празднование памяти о Влахернском чуде (1 октября); вырабатывается канон изображения Покрова. Более усиленное (единоличное) почитание данного святого выпадает на XIV в., когда Русь знакомится со списками жития данного святого, впоследствии память о святом Андрее Юродивом входит в православный календарь под 2 октября. Подтверждением такой версии могут служить произведения искусства - иконы и храмы, возникшие на территории Древней Руси, начиная со